

КООПЕРАТИВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО САРПИНКИ В НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ

Е.Л. Фурман

Кустарно-промысловый сектор до Первой мировой войны имел в экономике немецких колоний Поволжья значительный удельный вес. Революция, Гражданская война, голод привели к обнищанию населения, сокращению посевных площадей и поголовья скота. Данные обстоятельства способствовали возрождению кустарных промыслов, а также вовлечению кустарей-одиночек в кооперативные организации, что препятствовало распылению сил и средств и повышало качество производимой продукции. На территории области немцев Поволжья, особенно в нагорной стороне, как среди немецкого населения района Голый Карамыш, так и в русских селах Золотовского района, получил широкое распространение сарпиноткацкий промысел.

Начало сарпиноткацкого промысла в Саратовской губернии было положено гернгутерами колонии Сарепта. Уже со второй половины XVIII в. в Сарепте стали вырабатывать хлопчатобумажные ткани, получившие устойчивый спрос на рынке (см.: [8]). В 1797 г. в Сарепте под производство сарпинки было построено здание, в котором стали изготавливать полупелюшечное полотно, а также бумажные чепцы, платки и чулки. Шелк для материй выписывали даже из Италии, позже колонисты начали производить необходимый материал сами, вскоре добившись значительных успехов [10, с. 1].

Позднее часть функций по производству сарпинки передается в другие колонии (изготовление хлопчатобумажной пряжи) – сначала в Поповку, затем в Севастьяновку, Норку и Лесной Карамыш. Красильня для покраски ткани в самые разнообразные цвета находилась в Сарепте. По мере расширения ткацкого производства появилась необходимость в ткацкой мануфактуре, которую открыли в 1810 г. в колонии Норка, в главном бумагопрядильном центре. Конкуренция между производителями, поступление на российский рынок более дешевой английской хлопчатобумажной пряжи заставили сарептян перенести ткацкое производство в 1816 г. в Саратов, а позже и уступить продажу сарпинки в городе. Развили, усовершенствовали и удешевили производство сарпинки немецкие купцы братья Шехтель, но, занявшись одновременно производством вина и золотыми приисками в Сибири, они оставили ткацкое дело. Выписанные из-за границы мастера разъехались по немецким селениям, заложив основу тонкого ткачества среди колонистов.

Постепенно к середине XIX в. производство сарпинки сконцентрировалось в руках трех немецких колонистов: Д. Шмидта, Э. Бореля и К. Рейнеке, которые, помимо своих родных, открывали производство ткани в следующих колониях: Лесном Карамыше, Гололобовке, Сплавнухе и Норке, одновременно пользуясь услугами огромного количества мел-

ких фабрикантов, снабжавших их хлопчатобумажной пряжей.

В 1870 г. общий доход от производства сарпинки составил около 3 млн руб. [10, с. 5]. К началу 1880-х гг. наиболее крупной фирмой по торговле сарпинкой стало торгово-промышленное товарищество «Иван Кузнецов и сыновья», с целью улучшения торговли были выписаны образцы модных узоров, проведена широкая рекламная кампания, вследствие чего торговля сарпинкой вышла далеко за пределы губернии.

В 1887 г. основано Товарищество промышленников сарпинских изделий. На проходившей в 1890 г. промышленной выставке в Казани павильон ткачей привлек к себе большое внимание посетителей, в числе которых был и министр финансов С. Вышнеградский. Представленные сарпиночные изделия были удостоены золотой медали. В 1890-х гг. сарпиночное производство распространяется в русских селениях Поволжья, пионерами ткацкого дела стали жители д. Потаповки Золотовской волости. В марте 1898 г. на волостном сходе в Золотом обсуждался вопрос организации закупки ткацких станков на золотовский склад сельскохозяйственных машин, на что было выделено 4 200 руб. [5, с. 97]. С целью обучения крестьян ткачеству сарпинки из средств Камышинской земской управы было выделено 1 119 руб., приглашены 26 мастеров, из которых 9 были русскими [10, с. 9]. Стоимость обучения равнялась примерно 3 руб. на станок. Труднее всего в процессе обучения было освоить навивку основ на станок, смазку ниток, а также приобрести умение попадать в такт рукой и ногой, одно неумелое движение приводило к обрыву нитей, и самым сложным в дальнейшем было связать их вновь. Весь процесс обучения зависел от способности ученика и занимал от трех до пяти месяцев. Несмотря на невысокий заработок (4–5 руб. в месяц), ткачество быстро развивалось, но серьезным препятствием в дальнейшем стала отдаленность от населения раздаточных контор, сосредоточенных в Голом Карамыше, решить эту проблему смогли централизованные кооперативные организации. Несмотря на широкое распространение ткачества в русских селениях, фабриканты более охотно покупа-

ли ткани у немцев-кустарей, отмечая традиционно высокое качество их изделий.

В начале XX в. центром сарпиночного производства вновь становится немецкое поселение Голый Карамыш. С весны 1917 г. заинтересованные покупатели сами стекаются со всей страны в Саратов и Голый Карамыш, в это же время возникает первая сарпиноткацкая артель в д. Потаповке, затем в с. Рогаткине. В январе 1918 г. возникли еще две русские артели – Мозалевская и Кубасовская – и одна немецкая – Усть-Залихинская, в феврале 1918 г. – еще две немецкие и пять русских артелей.

Одновременно с организацией сарпиноткацких кооперативных товариществ возникла мысль о необходимости их союзного объединения, что объяснялось практическими потребностями губернского продовольственного комитета, которому было удобнее распределять пряжу среди более крупных организаций. Инициатива создания союзной организации исходила от русских артелей, но будущий союз должен был объединять как русские артели, так и немецкие. Центральный союз сарпиноткацких кооперативных товариществ Камышинского края (позже Центральный союз сарпиноткацких кооперативных товариществ АССР НП), или Сарпинсоюз, был организован 10 марта 1918 г. с местом правления в Голом Карамыше. Но еще до возникновения Сарпинсоюза была предпринята попытка организации двух мелкорайонных союзов: Рогаткинского и Шиловского в феврале 1918 г., но, просуществовав меньше месяца, обе организации распались одновременно с организацией Сарпинсоюза [10, с. 12]. В одно время с союзом было организовано еще несколько артелей среди немецкого населения, и к маю 1918 г. из 20 артелей, входивших в союз, 11 были немецкими. К январю 1919 г. союз объединял 25 артелей, среди которых было 12 русских и 13 немецких.

Сарпинсоюз охватывал территорию, равную приблизительно шестой части Камышинского уезда, общее число артельщиков-кустарей на начало 1919 г. составляло 8 617 (4 023 чел. в русских артелях и 4 594 – в немецких) [там же, с. 13]. К 1921 г. число кустарей во всех артелях сократилось до 8 341 [2, л. 96 об.].

С ростом количества артелей, вошедших в Сарпинсоюз, появилась проблема в снабжении их в достаточном количестве пряжей, что, в свою очередь, стало причиной отказа 6 200 кустарей-одиночек кооперироваться. В рамках союза существовали довольно жесткие правила: пряжу ткачи могли получать только централизованно, артели, которые предпринимали попытки закупки сырья на стороне, исключались из членов союза.

Летом 1919 г. Саратов посетил председатель ВСНХ А.И. Рыков, ознакомившись с положением местной промышленности, он предложил резолюцию в духе централизации промышленности: единый орган по управлению кустарной сарпинской промышленностью должен был быть в непосредственном подчинении Центрального комитета текстильной промышленности РСФСР, 13 июля 1919 г. пленарное заседание Губсовнархоза трудовой коммуны области немцев Поволжья одобрило резолюцию А.И. Рыкова.

В 1919 г. территория, обслуживаемая Сарпинсоюзом, находилась в полосе военных действий, что самым разрушительным образом сказалось на объемах производимой продукции. Из общего количества артелей, существовавших на тот момент в рамках Сарпинсоюза, серьезно пострадали 16. Больше всего производство пострадало от хищений пряжи красноармейцами и раздачи пряжи по постановлениям общих собраний членов товарищества (всего было похищено 302 пуда пряжи и ткани) [2, л. 97 об.]. Делопроизводство и бухгалтер велись слабо, отсутствовали хорошие специалисты. Участившиеся кражи и голодный 1921 г. окончательно истощили бюджет организации. Артели в большинстве существовали лишь номинально, и перед правлением Сарпинсоюза встал вопрос о неизбеж-

ности ликвидации. С июня по октябрь 1922 г. работа Сарпинсоюза была заморожена. 3 октября 1922 г. состав правления Сарпинсоюза был переизбран, а 4 ноября 1922 г. уже в новом составе правление заключило договор с фабрикой «Саратовская мануфактура» на переработку пряжи. С получением пряжи вновь возобновляется работа союза и первичных кооперативов. В 1923 г. произведена перерегистрация членов и установлены дополнительные членские взносы в размере одного пуда ржи, а также десятикратная ответственность по долгам союза. С начала 1923 г. и до июля 1924 г. в составе Сарпинсоюза насчитывалось 25 артелей, но уже к августу 1924 г. количество артелей стремительно возросло, что объяснялось в первую очередь неурожаем и, как следствие, поисками крестьянами подсобного заработка. Рост числа артелей в составе Сарпинсоюза можно проследить по нижеприведенным данным (см. табл. 1).

Таким образом, представленные данные позволяют отметить стремительный рост количества кустарей в артелях к 1926 г., а также постепенное укрупнение артелей и рост количества членов на одну артель. Вследствие недостатка пряжи не все кустари-артельщики были постоянно заняты в производстве. С 4 ноября 1922 г. по 1 октября 1925 г. 27 работали сдельно, получая полуфабрикаты (основы и уток) из сновальни Сарпинсоюза. Работой в артелях руководил уполномоченный, избиравшийся на общем собрании. 4 артели, фактически объединявшие 12, работали на договорных началах, перерабатывая самостоятельно крашеную пряжу на ткань, и к 1926 г. артели были переведены с товарного на денежный расчет. Постоянный недостаток пряжи приводил артели к заключению договоров с

Таблица 1

Количество артелей, входивших в состав Сарпинсоюза с 1923 г. по 1928 г.*

Показатель	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Количество артелей	25	37,0	45	41	30	30
Количество членов	3 700	5 102,0	7 877	8 777	10 100	10 753
Среднее количество членов на артель	148	137,8	175	214	336	358
Работали фактически	3 690	1 496,0	3 999	7 682	8 800	10 753

* *Ніпдààèáíí ààòîðîñè ïí:* [2, с. 98–98 іа.; 3, с. 215 іа.; 11, п. 168].

другими предприятиями, по этой причине 6 артелей, входивших в состав Сарпинсоюза, заключили договор с Сарпинтрестом, по которому работники артелей получали сдельную плату по ставкам местного профсоюза текстильщиков.

Процесс производства сарпинки проходил несколько этапов. Первым, самым важным и, как показала практика, самым трудным этапом была заготовка пряжи, закупки производились на фабрике «Саратовская мануфактура», которая более охотно заключала договоры о поставках с предприятиями и рынками Москвы, Лодзи и других городов в ущерб интересам и нуждам местных производителей, зачастую не имевших возможности в короткий срок оплачивать счета. Следующим этапом после получения сырья было крашение. В 1890-х гг. частные фабриканты первоначально производили окраску в Голем Карамыше, здесь окрашивалась большая часть пряжи, однако далеко не вся. В условиях жесткой конкуренции с производителями ситца частные предприниматели для лучшей окраски отдавали пряжу в красильни Москвы. До 90-х гг. XIX в. пряжа некоторых цветов выписывалась из Англии, из Манчестера. Позже краски стали закупаться в Москве. Частные предприниматели обращали большое внимание на качество окраски ткани, обычно испытание крепости окраски производилось следующим образом: в воду опускался моток окрашенной ткани и моток белой, чем прочней окрашивался белый моток, тем хуже была, следовательно, по своему качеству краска. Затем мотки вывешивались на солнце для определения степени выгорания краски.

В кооперативных организациях пряжу отдавали обыкновенно сами артели красильщикам-кустарям, затем контроль над процессом окраски был передан в непосредственное ведение правления союза, который осуществлял контакты с 15–20 красильщиками-кустарями [10, с. 41]. Далее после окраски ткань передавалась в артели, где ее разматывали на шпули, а затем уже передавали сновальщикам, изготавливающим основы для тканья сарпинки; сновальни устраивались при правлениях артелей, что позволяло в полной мере проявиться индивидуальности той или иной артели, которая подбирала рисунок и

цвета ткани, что играло немаловажную роль при продвижении товара на рынке и его конкуренции с ситцем. Пройдя все этапы производства, готовая ткань поступала на склад Сарпинсоюза.

В 1918–1919 гг. выработанная ткань сдавалась Саратовскому продовольственному комиссариату, в 1920 г. – Саратовско-Марксшдатскому губтекстилю и в 1921 г. – Областному текстилю [2, л. 100 об.]. В 1922–1923 гг. около 70 % произведенной ткани было сдано фабрике «Саратовская мануфактура» по договору за пряжу, остальная часть продавалась в основном частным лицам и небольшая часть – кооперативным организациям, что объяснялось необходимостью продажи товара в кредит, на длительный срок. Но Сарпинсоюз из-за отсутствия собственных средств вынужден был при продаже товара отдавать предпочтение частным лицам, ведущим расчет наличными. В 1923–1924 гг. сбыт продукции производился по той же схеме, а в 1924–1925 гг. 80 % выработанной ткани было передано Немкустпромсоюзу на комиссионных началах, а 20 % реализованы на местном рынке. Сбыт тканей производился также со склада Сарпинсоюза в Бальцере через представителей в Москве и Сталинграде. В следующем операционном году товар сбывали на более выгодных условиях госучреждениям и кооперативам, 80 % товара отпускали за наличный расчет, а 20 % векселями на срок от 30 до 60 дней [там же, л. 101].

Динамику складывания собственных средств Сарпинсоюза можно проследить по следующим цифрам. С 1918-го по 1920 г. было собрано из паевых и вступительных взносов 478 432 руб., в 1922 г. вследствие голода и обесценивания денег у Сарпинсоюза ни собственных, ни заемных средств не осталось. Только с 1923 г. начался процесс накопления собственных средств с 4 000 руб. до 478 000 руб. к 1926 году. Финансовой стабильности удалось достичь во многом благодаря кредитам комиссии председателя ВСНХ А.А. Рыкова, а также твердому распределению пряжи с фабрики «Саратовская мануфактура» вследствие приравнивания Сарпинсоюза в принципах распределения к госучреждениям. До этого момента Сарпинсоюз полностью

зависел от решений дирекции фабрики, предоставлявшей пряжу в обмен на готовую продукцию по сниженным ценам.

Постановлением Экономсовещания области немцев Поволжья в 1923 г. был создан единый областной союз, объединявший все виды кустарно-промысловой кооперации республики, – Немкустпромсоюз, и Сарпинсоюз с этого момента входил в его состав как специализированный союз. К 1924 г. Немкустпромсоюз объединял 73 первичные кустарно-промысловые организации, из которых объединенных Сарпинсоюзом насчитывалось 37 артелей [7, с. 136], таким образом, более 50 % членов Немкустпромсоюза были кустарями-сарпинщиками, а остальная часть приходилась на кооперативное соломоплетение, корзиноплетение, производство вейлок, фур, кожевенное, портняжное, сетевязальное производства и другие.

Кустарно-промысловая кооперация, как производственная, нуждалась в значительных средствах (оборотный и основной капиталы). Если в других видах кооперативных объединений, особенно потребительском, возможно ведение дела даже при своих паевых средствах от 5 до 10 руб. с каждого члена кооператива, то в кустарно-промысловой кооперации для более или менее нормального ее существования необходимы средства от 200 до 300 руб. на участника. Таким образом, для успешного функционирования кустарно-промыслового предприятия необходима твердая финансовая база, но так как промкооперация объединяла сплошь и рядом кустарей-бедняков, то необходимые для производства средства найти с помощью внутренних резервов она не могла, опираясь сначала по этой причине на эпизодическую помощь земств, а позже широко привлекая банковские кредиты или помощь государства. Но и в новых условиях промкооперация в начале 1920-х гг. на 85–90 % находилась во власти рынка и частного скупщика, что объяснялось в первую очередь тем, что помощь, оказываемая кустарю государством, оказывалась недостаточной [1, с. 14].

Государственные средства кустари-кооператоры получали через банки в виде краткосрочных ссуд, которыми пользовались преимущественно союзные организации кустарно-промысловой кооперации, направлявшие

их на торгово-сбытовые цели. Производственный процесс кустаря в первичной кооперативной ячейке этой поддержки в форме производственного кредита не имел, что наблюдалось и в общереспубликанском масштабе. На страницах журнала «Голос Нижне-Волжского кооператора» отмечалось: «На практике это ведет к тому, что мы имеем ряд здоровых кустарно-промысловых союзов, как например, у нас – Сарпинсоюз и Корзинсоюз и весьма хилую и по массе ничтожную периферию, лежащую в их основе. Все это происходит, очевидно, потому, что этому виду кооперации до сих пор недостаточно уделялось внимания в смысле организации для нее денежных производственных капиталов, на основе кредита. Если для снабжения кредитом многих отраслей народного хозяйства существуют специальные банки, то нельзя этого сказать про кустарно-промысловую кооперацию: ее по существу могут кредитовать ряд банков, но специальных средств на данную отрасль они не имеют. И в прошлом, и в настоящем промысловая кооперация не может похвастаться богатством источников кредитования. Сами источники кредитования не идут ей навстречу, а их приходится искать, и нередко поиски бывают тщетны. Наиболее остро в кредите нуждаются следующие промыслы, которые проявили себя вполне жизнеспособными и имеют все данные к дальнейшему развитию, а именно: 1) кожевенный, 2) сапожный, 3) рогожно-кулевой, 4) лопатный, 5) веревочный, 6) экипажный, 7) кузнечный, 8) ситорешетный, 9) шубный, 10) сарпиноткацкий, 11) корзиноплетеночный и 12) вейлочный» [1, с. 15]. Таким образом, среди прочих промыслов, остро нуждавшихся в кредите, был сарпиноткацкий промысел, и в первую очередь это относилось к первичным сарпиноткацким кооперативным организациям, в отличие от которых Сарпинсоюз, как уже отмечалось ранее, находился в более выгодных финансовых условиях. 1925/26 операционный год явился для союза годом процветания, успешным в финансовом и производственном отношении.

Укрепив финансовую базу, Сарпинсоюз активизировал внимание на просветительской деятельности среди кооперированных кустарей. Было организовано 7 изб-читален, 17 ликпунктов, организованы культкомиссии

при каждой артели, выписывались газеты, главным образом «Нахрихтен» и «Трудовая правда», журналы, планировалась помощь текстильному техникуму в Бальцере. В 1926 г. Сарпинсоюз организовал учебную чулочно-вязальную мастерскую, для которой у Всекомпромсоюза было закуплено 20 станков [2, л. 102].

Очень часто в процессе работы кустарно-промышленные артели сталкивались с отсутствием четкого разграничения функций между кооперативными организациями. Так, в официальном письме, направленном в ЦИК АССР НП 9 октября 1926 г., правление Сарпинсоюза сообщало, что, несмотря на неоднократные заявления с их стороны, организации Саратовской губернии продолжали операции, связанные с сарпиноткацким промыслом, тем самым нарушая планы как Сарпинсоюза, так и Сарпинтреста. Доказательством может служить деятельность Рыбушанской сарпиноткацкой артели, распространившей район своей деятельности на большую часть сел Бальцерского кантона (в Гололобовке – 150 станков, в Норке – 400, а также в Поповке, Бобровке и др.). Князевское, Верхне-Добринское, Грязнухинское, Макаровское сельскохозяйственные общества снабжали кустарей-кооператоров Немреспублики пряжей в ущерб интересам союза. Снабжались кустари саратовскими организациями, также через сельские потребительские общества с. Нового, сельскохозяйственное кредитное товарищество в Сосновке [там же, л. 211]. Попытки разрешить спорные ситуации путем переговоров с Саратовским кустарно-промышленным союзом не принесли ожидаемого результата. Аналогичные споры по вопросам разграничения рынков сбыта, товарного ассортимента, операций между потребительской кооперацией и сельскохозяйственной и на территории самой Немреспублики, и за ее пределами становились неотъемлемой частью кооперативной жизни 1920-х годов.

1926/27 операционный год для Сарпинсоюза был связан с затруднениями в реализации тканей в связи с их низким качеством по сравнению с предыдущими годами и одновременно высокой их себестоимостью. Низкое качество продукции было обусловлено, в свою очередь, проблемами с поставкой

пряжи, Сарпинсоюз зачастую снабжался пряжей, не соответствующей имеющемуся оборудованию, в результате чего производственный процесс занимал больше времени и требовал больших затрат, но качество ткани оставалось низким. Определенного улучшения смогли добиться в 1927/28 операционном году, когда происходит расширение ассортимента выпускаемой ткани, который включал в себя: сарпинку мелкого кручения, костюмную ткань, бумазею, патриотик (оксфорд), шемизет, платки, полотенца, чулки и др. Причем себестоимость одного из самых высококачественных видов ткани – оксфорда – удалось к 1928 г. снизить: если в 1925/26 операционному году она составляла 32 руб. 43 коп., в 1926/27 г. – 33 руб. 94 коп., то в 1927/28 г. – 31 руб. 92 коп. за метр [3, л. 212 об.]. Снижение себестоимости стало возможным благодаря дальнейшей механизации процессов подготовки ткани – сновке, размотке, шлифовке и окраске.

К 1928 г. в сарпиноткацкой кустарной промышленности происходит снижение уровня заработной платы кустаря-артельщика, о чем свидетельствует следующая таблица (см. табл. 2).

Таблица 2
Среднегодовой заработок
кустаря-сарпинщика (1926–1928 гг.),
руб.*

Кантоны	Операционный год	
	1926/27	1927/28
Бальцерский	106	101
Франкский	122	103
Золотовский	75	45

* Ñîðààâàâî ãàðèðî ï: [3, ò. 216].

Средний заработок кустаря-артельщика в Немкустпромсоюзе составлял в 1924/25 операционном году 104 руб., 1925/26 г. – 133 руб., а в 1926/27 г. – 138 руб., в среднем кустарь в месяц зарабатывал 17 руб. 24 коп. при рабочем сезоне 8 месяцев [9, с. 35]. Заметное сокращение заработков по Золотовскому кантону было связано с изменениями в организации производства и объяснялось, прежде всего, переходом на новый ассортимент, а также прекращением выпуска ходового товара – оксфорда крученого.

К этому же периоду относится создание при Сарпинсоюзе кассы взаимопомощи по беременности, нетрудоспособности. В кассу отчислялось 7 % от заработанной за год суммы.

Ткань, производимая кустарными артелями Сарпинсоюза, пользовалась устойчивым спросом; в 1926/27 операционном году было продано мануфактуры на 343 552 руб., в 1927/28 г. – на 366 187 руб., из них 10,32 % в пределах Немреспублики, 89,68 % – за ее пределами [3, л. 219 об.]. Сарпинка и трикотаж были включены в план НКТ РСФСР и закреплены последним за Центросоюзом в качестве товарного фонда для хлебозаготовительных районов [6, с. 92], так как большая часть этих товаров отправлялась по нарядам центра далеко за пределы края. Сам факт выхода товара на республиканский рынок свидетельствовал о том, что его реализация не в районе производства, а за его пределами по нарядам центральных органов была вызвана дефицитом данного товара в общем товарном балансе страны, и представлял собой большую ценность на плановом рынке. Основной капитал Сарпинсоюза по балансу на конец 1926 г. составлял 157 735 руб. 85 коп., а к концу 1927 г. происходит увеличение за счет роста прибыли основного капитала на 118 %, который достиг 344 533 руб. [11, с. 168].

Необходимо отметить также недостатки в работе союза. Так, например, в 1927/28 операционном году по 6 артелям была обнаружена недостача на сумму 2 318 руб. 45 коп., дело было передано в суд. В 1929 г. правление Сарпинсоюза обвинялось в том, что выдавало кредиты платежеспособным членам на длительный срок. В частности, бухгалтеру Роттермелю была выдана 1 000 руб. в кредит; несмотря на то что он уже должен был союзу 400 руб., проценты по займам не взыскивались [3, л. 234].

Таким образом, кустарно-промысловая кооперация во второй половине 1920-х гг. окрепла финансово и организационно, пройдя период НЭПа, добровольного членства, выполняя государственные заказы, получая взамен кредиты и сырье. В связи с новым территориально-административным делением, проводившимся в масштабах страны с се-

редины 1920-х гг., решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1928 г. наряду с Саратовской, Сталинградской, Астраханской губерниями, частью Самарской губернии, Калмыцкой автономной областью АССР НП была включена в Нижневолжский край, и встал вопрос о реорганизации кооперативных объединений республики. Постановлением Бюро областного комитета ВКП(б) АССР НП от 12 ноября 1931 г. система промкооперации республики немцев Поволжья реорганизовывалась на основе специализации производства путем создания на основе единого членства и общего руководства в рамках Немкустпромсоюза отраслевых объединений. Немпромтекстильсоюз (ранее Сарпинсоюз) сохранялся как самостоятельный специализированный союз. Особое внимание необходимо было уделять тем промыслам, которые улучшали бытовое обслуживание населения: пищевым, прачечным, ремонтным, парикмахерским и др. [4, л. 13].

В условиях нового административно-территориального деления Немпромтекстильсоюз, также как и Немкустпромсоюз, столкнулся с рядом трудностей, таких как несвоевременное снабжение кустарей продовольственными пайками, заработной платой. Несогласованность действий с крайпромсоюзом привела к тяжелой финансовой ситуации, в которой оказалась вся промкооперация АССР НП к 1932 году.

В целом можно отметить, что к началу 1930-х гг. промкооперация вошла в формирующуюся систему планового хозяйства страны. Зависимость кустарей-кооператоров от государственных поставок сырья, субсидий, государственного планирования привели в итоге к изменению самого статуса кооперативных кустарно-промысловых объединений, которые формально оставались самостоятельными организациями, а в действительности превратились в производственно-хозяйственный механизм государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржанухин. О кустарно-промысловой кооперации / Аржанухин // Голос Нижне-Волжского кооператора. – 1924. – № 3. – С. 3–15.

2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 739.
3. ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1591.
4. ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1838.
5. Гусев, В. Сарпиночное производство в русских селениях Камышинского уезда / В. Гусев // Саратовская Земская неделя. – 1902. – № 2. – С. 123–124.
6. Ивановский, В. В. Состояние кустарной промышленности в Нижне-Волжском крае / В. В. Ивановский // Нижнее Поволжье. – 1928. – № 10. – С. 76–94.
7. Краткий обзор ориентировочных планов кооперативных организаций АССР НП (на 1925 г.) // Нижнее Поволжье. – 1926. – № 2/3. – С. 135–138.
8. Медведев, В. Н. Сарпиночный промысел колонии Сарепта / В. Н. Медведев, Е. В. Хрипунов // Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России. – Волгоград, 2002. – С. 35–42.
9. Очкин, В. Достижения в низовой сети Немкустпромсоюза / В. Очкин // Голос Нижне-Волжского кооператора. – 1928. – № 2. – С. 34–35.
10. Степанов, П. А. Саратовская сарпинка / П. А. Степанов. – Марксштадт: Саратов. губерн. союз рабоче-крестьян. потреб. о-в, 1920. – 44 с.
11. Экономист. Промкооперация в Немреспублике и ее задачи в 1927–28 гг. // Нижнее Поволжье. – 1928. – № 1. – С. 168–169.